

К истории жизни и творчества Н. А. Львова.

Б. И. Коплана.

(Представлено академиком С. Ф. Платоновым в заседании Отделения Исторических Наук и Филологии 2 марта 1927 года).

I.

Из краеведческих заданий на рубеже двух веков.

Имя Николая Александровича Львова (род. 1751, ум. 22 декабря 1803 г.) в истории русской общественной жизни конца XVIII столетия тесно связано с литературой, искусством и «краеведением» этого времени. В план нашей статьи не входит биография Н. А. Львова, черты которой переплетаются с жизнью поэтического вождя конца XVIII в. — Г. Р. Державина и двух других крупных писателей его эпохи: В. В. Капниста и И. И. Хемницера. Скажем только, что в 1780—90-х годах Н. А. Львов был душою небольшого поэтического содружества, которое составляли: Г. Р. Державин, И. И. Хемницер, В. В. Капнист, А. С. Хвостов, А. В. Храповицкий, О. П. Козодавлев, П. Л. Вельяминов, А. М. Бакунин и М. Н. Муравьев. «Сей человек», сказал Державин в объяснении к стихотворению «Память другу», написанному после смерти Львова (1804), «принадлежал к отличным и немногим людям потому, что одарен был решительною чувствительностью к той изящности, которая, с быстротою молнии наполняя сладостно сердце, объясняется часто слезою, похищая слово. С сим редким и для многих непонятым чувством он был исполнен ума и знаний, любил Науки и Художества и отличался тонким и возвышенным вкусом, по которому никакой недостаток и никакое превосходство в художественном или словесном произведении укрыться от него не могло. Люди, словесностью, разными художествами и даже мастерствами занимавшиеся, часто прибегали к нему на совещание, и часто приговор его превращали себе в закон».¹

¹ «Объяснения на сочинения Державина, им самим диктованные...». СПб., 1834, ч. I, стр. 60.

Между своими друзьями Н. А. Львов был, по выражению его родственника и первого его биографа Ф. П. Львова, «как бы гением вкуса, своею печатью утверждающим их произведения, которые показывались в свет не иначе, как в то время, когда он прикосновением волшебного крыла своего давал природным красотам их истинный вид и силу».

Не имея в виду останавливаться на поэтическом творчестве Н. А. Львова, мы только назовем главнейшие его сочинения: это — «Идиллия Вечер 1780 года, ноября 8-го», напечатанная анонимно в «Собеседнике Любителей Российского Слова» (ч. I, СПб., 1783), перевод стихами «Песни Норвежского Витязя Гаральда Храброго из древней Исландской Летописи Книплинга Сага, Маллетом выписанная и в Датской Истории помещенная» (1793), перевод стихами Анакреона (СПб., 1794), «Богатырская поэма Добрыня», одна песнь которой была издана уже после смерти Львова в «Друге Просвещения» (1804, № 9), «Ботаническое путешествие на Дудорову гору, 1792, Мая 8», — сочинение в стихах и в прозе, подражание «Путешествию Шапеля и Башомона» (за это подражание Львова называли русским Шапелем), изданное также после смерти автора в «Северном Вестнике» (ч. V, СПб., 1805, февраль). Несколько лирических стихотворений Львов напечатал анонимно в «Московском Журнале» (в 1791, 1792 и 1796 гг.) и в «Аонидах» (в 1796 и 1797 гг.), но большинство мелких стихотворений его осталось неизданным. Литературное наследие Львова увеличивается еще его трудами в иных областях: издания двух летописей (в 1792 и 1798—99 гг.), «Рассуждение о пользе и употреблении русского земляного угля» (1799), «Рассуждение о Проспективе, облегчающей употребление оной, в пользу Народных Училищ» (1789), «Русская пиростатика» (1792—1799), перевод I части «Палладиевой Архитектуры» (1798), предисловие к «Собранию русских народных песен» Ивана Прача (1790).

Нельзя не признать, что дарования и труды Н. А. Львова были весьма разносторонни. Живую характеристику их мы находим в очерке Ф. П. Львова (двоюродного брата Н. А. Львова): «Мастер клавикордный просит его мнения на новую механику своего инструмента. Балетмейстер говорит с ним о живописном расположении групп своих. Там г-н Львов устраивает картинную галерею. Тут, на чугунном заводе, занимается он огненной машиной. Во многих местах возвышаются здания по его проектам. Академия ставит его в почетные свои члены.¹ Вольное Экономическое Общество

¹ Т.-е. Академия Художеств — в 1786 г. В 1783 г. Н. А. Львов был избран и в действительные члены Российской Академии.

приглашает его к себе. Там пишет он путешествие на Дудорову гору. Тут составляет министерскую ноту; а здесь опять устраивает какой-либо велико-лепный царский праздник или придумывает и рисует орден св. Владимира».¹

Путешествия Н. А. Львова по Западной Европе вместе с М. Ф. Соимоновым и И. И. Хемницером в 1777 г.,² неоднократные поездки туда же по дипломатическим делам, по службе в Коллегии Иностранных Дел,³ в последующие годы «служили наилучшим средством к обогащению его деятельного ума многоразличными знаниями» (А. Д. Галахов); путешествие же в 1787 г. в свите Екатерины II по югу России дало Львову возможность ближе познакомиться с бытом и природными богатствами родной страны.

Лучшим доказательством полезной деятельности пытливого ума Н. А. Львова служит изобретенный им способ строить дома из земли, примененный им в сооружении так наз. «Приората» в Гатчине и нескольких строений в с. Никольском - Черенчицах, Новоторжского уезда Тверской губернии (имение Львова). 21 августа 1797 г. состоялся указ об учреждении училища земляного битого строения, директором которого был назначен сам изобретатель.⁴ И можно сказать стихами Державина (на портрет Львова):

«Хоть взят он от земли и в землю он пойдет,
Но в зданьях земляных он вечно проживет».

В настоящем отрывке мы хотим представить Львова не как поэта, историка, критика, живописца, гравера, архитектора, музыканта, прожектера, но как краеведа-естествоиспытателя.

В конце июля 1786 г.⁵ Н. А. Львов был командирован «по именному повелению» в Боровичи для отыскания каменного угля в Валдайских горах. «У меня уж лошади запряжены. Я еду месяца на два и имею комиссию по именному [повелению]», писал Львов Державину из Петербурга 26 июля

¹ «Сын Отечества» 1822, т. 77, и «Москвитянин» 1855, № 6.

² См. «Дневник путешествия по Западной Европе И. И. Хемницера», в издании Сочинений Хемницера под ред. Я. Грота. СПб., 1873, стр. 371 сл.

³ См., напр., В. Верецагин. Путевые записки Н. А. Львова по Италии в 1781 году. «Старые Годы», апрель 1909, стр. 276—282; В. Верецагин. Памяти прошлого. СПб., 1914, стр. 151—157.

⁴ В. Вешняков. Экспедиция Государственного Хозяйства. «Русская Старина» 1901, т. СVIII, стр. 203, 413—414, и 1902, т. СХI, июль, стр. 161.

⁵ 17 июля 1786 г. Екатерина II писала Н. П. Архарову, в то время Новгородскому наместнику, о том, чтобы Львову оказано было всяческое содействие: «Кол. сов. Львов с мастером, знающим работу каменного угля, и с другим тому надежным мастером отправлен для осмотра имеющихся удобных к тому мест в Валдайских горах и учинения в том опыта. Вы не оставьте пособствовать ему в исполнении сего полезного предприятия...». Русский Архив 1864, столб. 897.

1786 г.,¹ и в следующем письме (13 августа) к нему же Львов рассказывает: «В Валдай послан я по именному повелению искать угля,— и нашел; твоему тучному украинскому смыслу, я чаю, и в голову мотыгой не вобьешь, сколько это важно для России: мы только, великие угольники, сие смекнуть можем. А сколько я сего угля нашел, скажу только то, что если ваш Тамбовский архитектор возьмется сделать над светом каменный свод, то я берусь протопить вселенную».² Мы имеем собственные подробные рассказы Львова об его открытии в письмах 1786 г. к гр. А. Р. Воронцову. Так, в письме от 5 августа Львов сообщал: «Я думал, что после случившегося мне в Нове-Городе припадка не буду я так скоро иметь честь донести вашему сиятельству об успехе начатого вами чрез меня дела; но тут мне и с стороны здоровья, и с стороны случая что-то посчастливилось. Около Валдая хотя я и нашел довольно надежные признаки, походя по горам с небольшим два дни; но, рассудя об удалении от водяной комуникации, разработку сих мест оставя, пошел я по рекам, в Мсту впадающим, и за 67 верст от Валдая, в берегу самой Мсты, на устьи реки Крупы, нашел превеликое множество и очень хорошей доброты угля. Нашел его и по пробе весьма удобным, спешу теперь для требования нужной помощи от Николая Петровича [Архарова] в Тверь, а если там его не застану, в Москву.

«Вашему сиятельству неизвестно, что хороший уголь и в Англии достают из земли, сажень 50 в глубину оной опускаясь: я же, не имея другой помочи кроме моих двух работников, в двух аршинах только в берегу выкопал некоторое число угля, которой весьма хорошо горит; но только тем еще недостаточен, что не так жарок, как Английский, по той причине, что, будучи мало закрыт землею, выветрел он от воздуха и потерял масляные частицы, жаркость одного составляющие. Уповаю, что в некотором расстоянии в глубину и, конечно, не столько, как в Англии, найду и самой лучший по всем моим приметам и по признанию моих мастеров.

«И они и я очень удивляемся, как по сию пору не случилось никому напасть на сие место, которое почти покрыто несомненными признаками каменного угля.

«Всепокорно прошу ваше сиятельство удостоить меня вашим наставлением по возвращении из Москвы, когда мне дадут работников и горы я разработаю, как мне писать об этом: запискою ли такого содержания,

¹ Сочинения Державина под ред. Я. Грота. СПб., 1869, т. V, стр. 522.

² Ibid., стр. 536.

чтобы государыне показать можно было, или письмом к графу Александру Андреевичу [Безбородко], или письмом к Николаю Петровичу [Архарову], к которому в указе предписано со мной отправить экономии директора?»¹

25 августа Львов писал из того же Валдая: «Завтрашний день обещают мне дать работников, и завтра же начнется большая наша работа; по сю пору работал я своими только Англичанами, которые замучились, и я сам не мог представить трудности да и опасности сей работы. В Литичской области сверх угля лежит каменный слой, который составляет род свода и тем самым безопасность работников; здесь же сверх угля лежит земля, и вчерашний день чуть было нас троих в живые не погребли, забывши узкий проход, в которой мы проходили в гору.

«По причине нынешней рабочей поры с великим трудом и рабочих людей найти можно; но, уверяют здешние же жители, чрез неделю весьма много будет охотников, а зимою еще больше.

«Уголь по сю пору идет очень хороший и горит лучше Ньюкастельского (с коим я его сравнивал); только всё еще не так жарок, потому что не глубоко еще вошли в землю».²

«Я всё еще в угольной яме», пишет он Державину из Боровичей 18 сентября, «но, слава богу, что обретение мое идет час от часу лучше; уголь, который теперь пошел, на всякую потребность годен, — не только что обжигать известь или кирпич и готовить кушанье, но металлы с удивительным успехом растопляет.... Чрез 10 или 12 дней еду я в Питер, наверное накопав и отправя на барках или, лучше, на барке уголь.

«Что там прикажете на оном жарить?»³

Письмо это подписано: «угольщик Львов». Биограф Львова, Ф. П. Львов, делает такое замечание о Н. А.: «... он открыл в России целые карьеры земляного угля и делал над ним опыты, извлекая из сего угля серу, в которой у нас крайний недостаток, и составлял из того же угля деготь для сохранения корабельных подводных частей от повреждения».⁴

Державин также свидетельствует об этой заслуге Львова: «По части хозяйственной, в государственном отношении, он открыл в значительном количестве каменный земляной уголь в России, могущий заменить привозимый к нам из Англии, но разработка оного надлежащего успеха не имела».⁵

¹ «Архив князя Воронцова», кн. XXXII. М., 1886, стр. 504—505.

² Ibid., стр. 506.

³ Ibid., стр. 580.

⁴ «Москвитянин» 1855, т. II, № 6.

⁵ «Объяснения...». СПб., 1834, ч. I, стр. 61.

20 октября 1786 г. Львов писал Державину из Петербурга: «Об угле моем Боровичском еще не докладывали. А чтобы ты видел в Валдае уголь, то это мне весьма удивительно. Баур и Сиверс не нашли там, в уезде нет и слуху, а я три недели все горы ходя пробовал и ничего не нашел. Где же ты видел?»¹

Год спустя Львов писал (26 августа 1787 г. из Петербурга) гр. С. Р. Воронцову о том же странном невнимании к его открытию:²

«Угольи мои по сю пору еще не горят, не греют, несмотря на горячее существо, оные составляющее. На пробу привез я сюда 8.000 пудов. Все и везде и во всяком изделии пробовали оные; везде имел я удовольствие слышать и похвалы, и поздравления, что обрел сие сокровище; но сие не далее произвело мой уголь. Теперь, по приезде графа Александра Романовича, буду ожидать от него какого-нибудь уголью производства, а обретшему оный хоть малой отличности. Во всех моих комиссиях и делах имел я всегда пышный успех пустой похвалы, сие и питало мой моральный состав; но между тем для физического еще ничего не было сделано... Боюсь, чтобы и в сем случае не быть осужденному мне жеребью подвержену.

«Я слышал, что кто-то в Англии изобрел особой состав дегтю из земляного угля; деготь сей по опыту заменяет употребление медных листов на обшивку кораблей, что Франция давала сему изобретателю 40 тысяч лудиров за секрет и что он затем только не открыл оного, что хотел иметь в Англии особую привилегию, которую ему опять там дать не хотели, а покупали секрет за умеренную цену. Сего дегтю прислали и сюда образчики, и пользу оного никто не хочет ни разобрать, ни признать. Если бы тут что-нибудь хотели мне позволить, то я почти без ошибки такой же деготь сделаю, и сие говорю с опыта. Но к чему все сие послужит? Замарать только руки, от духу которых станут от меня и те самые бегать, за которыми мне с пользою проекта гоняться будет надобно. И потому я сие намерение совсем оставил; разве по какому-нибудь постороннему поводу спросят и заставят сделать».³

Только через одиннадцать лет после открытия земляного угля, Львову удалось начать дело о введении его в употребление.

В начале своей книги «О пользе и употреблении русского земляного угля...» (СПб., 1799) Львов писал: «Боровицкой земляной уголь найден

¹ Сочинения Державина, т. V, стр. 607.

² «Архив князя Воронцова». М., 1886, кн. XXXII, стр. 511—512.

³ Предание рассказывает, что под Петербургом этого Львовского угля свезено было большое количество, что он загорелся нечаянно и горел в течение слишком года. П. Б[артенев].

еще в 1786 году; но разработка оного началась по повелению государя императора в 1797» (стр. 1).

Подробную записку об изысканиях Львова представил гр. А. Р. Воронцов гр. А. А. Безбородке в 1787 г.:

«В прошлом годе, по случаю сделанного мне от Николая Александровича Львова объяснения о удобности найти около Валдая или Борович земляного угля, которой, конечно, много б пособствовал сохранению у нас лесов, ваше сиятельство тогда же, по представлению моему, докладывать изволили е. и. в., на что и воспоследовало высочайшее повеление, чтобы Николай Александрович Львов в те места съездил и как о бытии, так и о качестве того угля в самой точности нужные изыскания сделал. Известно вам, милостивой государь мой, сколь сия поездка желаемой успех имела, и что по сделанным как самим Николаем Александровичем, так и в Горном Училище опытам оказалось, что сей уголь не только ни в чем не уступает привозимому из Англии земляному углю, но и с великою удобностию и выгодною вместо дров употребляем быть может: 1-е) для сжигания извести, 2-е) для винокуренных и других подобных заводов, 3-е) для обжигания кирпичей (которые несравненно лучше и выгоднее бывают, нежели обожженные дровами); 4-е) для употребления в кухнях; 5-е) для печения хлебов; 6-е) для каминов и прочих домашних надобностей и 7-е) по обожжении сего угля в кальцинарных печах, и по лишении серных их частей, употреблен он быть может с пользою в обыкновенных кузницах; а сверх того, уповаю я, может оной уголь употреблен также быть на Кронштатскую огненную машину, на сахарные фабрики, также и на завод вновь заводимой пушешной в Петрозаводске, куда оной уголь из Борович может водою доставляться, чем оной уголь с довольным иждивением из чужих земель выписывать и деньги из государства на то пересылать. А на сей пушешной завод число угля требуется весьма большое, да и перевозки его из Кронштата в Петрозаводск подвержены затруднениям, огромным убыткам и немалой медленности. Выгоды, происходимые от того, слишком уже ощутительны, чтобы не употребить всевозможного старания воспользоваться как наискорее столь полезным изобретением, чрез которое не только сохранится у нас великое количество дров, а сверх того оставаться будут в государстве те деньги, за которые мы покупаем из Англии земляное уголье, когда собственным своим довольствоваться можем за гораздо сходнейшую цену; ибо по исчислению г-на Львова пуд Боровицкого земляного угля с поставкою в Петербург не более трех копеек с половиною обойдется, а потому и несравненно дешевле привозимого из чужих краев. Уповаю, что

и в Петрозаводск не дороже сего он поставкою обойтись может. Что ж принадлежит до количества содержащегося в означенных местах угля, то г-н Львов по учиненным от него над первыми слоями опытам удостоверенным себя почитает, что когда далее внутрь земли разрабатывание надлежащим образом производимо будет, то с надеждою полагать можно, что оного найдено будет на долгое время и в великом изобилии.

«Касательно же до образца добывания сего угля, то хотя я в прочем и во всем согласен с мнением его, но в рассуждении предлагаемого им выбора от сорока до пятидесяти человек бобылей для употребления в сию работу под начальством угольного мастера за нужное нахожу с своей стороны сказать, что поелику видим мы, сколь и в других случаях наряды с великою трудностью исполняются, а колыми паче не могут они употреблены быть без некоторого отягощения для производства сей для нашего народа совсем новой, тяжелой и некоторым образом опасной работы: то и лучше бы всего было приискать такого человека или несколько людей, кои б между собою согласились добывание и торг сего земляного угля взять на себя с некоторою на первой случай от казны денежною помощию. И когда успех в том соответствовать будет ожиданию, то же самое, может быть, прихотит тамошних жителей, равно и к исканию и добыванию такового же угля и в других местах государства, а особливо в тех губерниях, где наиболее претерпевают нужду в дровяном лесе; попечение же о приискании такового человека или несколько людей, как бы между собою о сем согласились, и распоряжение в скорейшем производстве сего предприятия в действие препоручить правящему должности Тверского и Новгородского генерал-губернатора Николаю Петровичу Архарову, которой, если на него оное возложится, конечно, старание свое употребит, дабы найденное угля без пользы не оставалось.

«В заключение сего, за долг почитаю сказать, что усердие Николая Александровича Львова по оказанию отечеству своему пользы доставлением сего нового источника богатства и употребленные им труды в приискании и удостоверении оного столь похвальны, что, конечно, заслуживают высочайшего награждения, и я ласкаю себя надеждою, что ваше сиятельство, отдавая ему в сем старании его справедливость, не оставите его в том своим покровительством и предстательством.

Воронеж,

Февраля 3 дня 1787 года.

«PS. За разными моими недосугами не мог я при отъезде из С.-Петербурга представление сделать о сем изобретении угля, которое я нахожу толь полезным, если при начале оное проронено не будет; ныне оное исполняя, прилагаю здесь разные записки и выправки по сей материи».¹

21 августа 1797 г. вышел указ (одновременно с указом об учреждении училища земляного битого строения) «О разрабатывании и введении в общее употребление земляного угля, отысканного под городом Боровичами и по берегу реки Мсты». «Это открытие считалось заслуживающим внимания не только потому, что оно могло послужить к сохранению лесов, но и потому, что могло сберегать значительные суммы, уходящие из государства в уплату за иностранный уголь» (Строев).² В архиве Я. К. Грота³ сохранились копии писем М. Ф. Соймонова (одно) и Н. А. Львова (два), относящиеся к истории этого открытия. 16 августа 1798 г. М. Ф. Соймонов писал кн. Ф. Н. Голицыну: «... по представлении г-на ст. сов. Львова, о введении в употребление земляного угля положено к приучению к горным работам и надзиранию за строением машин и креплению снабдить его, Львова, тремя студентами из Московского Университета по его выбору и по их согласию. А как способным к тому признает он находящихся в Московском Университете студентов Николая Лошкова, Владимира Десятинского и Павла Баженова, то и поставляю долгом просить вашего сиятельства о исходатайствовании от Московского Университета студентам тем увольнения, когда будет на то их желание».

Упомянутые выше два письма Н. А. Львова адресованы тому же кн. Ф. Н. Голицыну (2 сентября 1798 г.). В них Львов дает разъяснения по поводу устройства трех студентов при угольных приисках, коих дирекция была «поручена в его начальство и управление».

К этому же делу относится одно определение собрания Совета Академии Художеств осенью 1798 г.: «... слушали указ из Правительствующего Сената, сентября от 30-го под № 17631, касательно об отдаче по выбору д. ст. сов. и кавалера Львова четырех человек из Академии и из Московского Университета учеников к дирекции прииска каменного угля и работ, и письмо его же, господина Львова, написанное к господину конференц-секретарю о присылке к нему ж из Академии учеников. Определено:... назначенных к дирекции угольных приисков и работ учеников 5-го возраста архитектурного класса Ивана Иванова и перспективного Петра Васильева

¹ «Архив князя Воронцова». М., 1886, кн. XXXII, стр. 493—496.

² Лабзин-Ляшенко. Русский биографический словарь. СПб., 1914, стр. 738.

³ ПД АН, архив Я. К. Грота: 15894. ХСVIIIб. 4.

выпустить с аттестатами, первого 1-ой степени, а второго 2-ой степени и оных учеников купно с их аттестатами препроводить к нему, господину Львову, а в Правительствующий Сенат репортовать».¹

Все подготовительные и практические работы привели Львова к теоретическому рассуждению «О пользе и употреблении русского земляного угля», изданному анонимно в 1799 г.

Можно предположить, что к истории этого сочинения относится сношение Львова с Академией Наук в декабре 1797 г., след которого сохранился в Архиве Конференции Академии, именно — отношение советника Канцелярии Академии Николая Матвеевича Чихачева в Ученое Собрание (21 декабря):² «При сем препровождается к сведению оному Собранию копия с полученного от г-на д. ст. сов. Львова сообщения на таковое же посланное к нему из Канцелярии с приложением выписки, подписанной господами академиками: кол. сов. Лепехиным, надв. сов. Германом и Георгием о приисках и приметах земляного угля, в разных местах государства находящегося, которым уведомляет, что ту выписку употребит он в свое время действительно в том смысле, в каковом Академия ему оную сообщила».

Ученое Собрание приняло это к сведению в заседании 8 января 1798 г. (см. Протокол № 1).

Через два года сношение Львова с Академией Наук по тому же поводу повторилось, и 31 октября 1799 г. возникло «Дело о извещении г-на д. стат. сов. и кавалера Львова о приисках земляного угля, означенного Академиею Наук на реке Волге в 70-ти верстах от Твери, близ деревни Охориной» (в Архиве Конференции Академии Наук, «Дело» 1799 г., № 324, на 2-х листах, в копиях). В этом «деле» сохранилось нижеследующее донесение Львова в Академию Наук: «... Академия Наук сообщила мне сведение о разных приисках земляного угля, просвещенными ее путешественниками в разных местах империи открытых. Дабы испытать на деле как надежность слоя, так и доброту угля, посылаю я гиттенфервалтера Ирвена и берг-гешворена Железнова в Новгородскую губернию около Крестницкого яма, в Калужскую и Рязанскую губернии, на места, Академиею Наук показанные; но в первом (то-есть, около Крестницкого яма) не

¹ П. Н. Петров. Сборник материалов для истории СПб. Академии Художеств за сто лет существования. . . СПб., 1864, стр. 376, 377.

² Протокольные бумаги, 1798, картон № 18. См. Протоколы Конференции Академии за 1797 г.: № 64 — 9 октября (п. 228); № 67 — 23 октября (п. 236); № 68 — 26 октября (п. 241) и № 69 — 30 октября (п. 244).

нашлось никакого угольного прииску, Калужской же и Рязанской губернии по испытании в разных местах горным буравом, а инде и открытою шахтою, оказалось, что уголь лежит изредка, иной где коротким и тонким слоем, которой, переломан будучи переменою земли, рассыпан гнездами на большом пространстве. Малое количество угля, посредственное оного качество тем менее заслуживает разработку; что прииски сии довольно удалены от Московско́й столицы, которую прежде других мест имею я обязанность снабдить каменным углем, а потому прииск земляного угля, означенный Академиею Наук на реке Волге в 70-ти верстах от Твери в недалнем расстоянии от деревни Оскориной, был бы для меня не равнодушным обретеніем; но посланные мои чиновники не только не нашли оного в 70-ти верстах от Твери близ деревни Оскориной, но и самой деревни Оскориной никто имени не знает. Так как сие воспоследовало вероподобно от ошибки в названии деревни, то я и прошу Академию Наук известить меня, так ли действительно называется сия деревня и кому принадлежит она, на правом или на левом берегу реки Волги, ниже или выше сей деревни и в каком от оной расстоянии находится как самый угольный прииск, так и признаки другого по Волге же реке горною смолою означающагося, ибо посланные мои горные чиновники, пустясь по Волге реке от самой Твери до Коломны, не нашли ни одного места, содержания земляного угля обещающаго. Николай Львов».

Советник Канцелярии Н. М. Чихачев выслушал 3 ноября 1799 г. сообщение Львова и приказал препроводить это сообщение в Ученое Собрание. На этом «дело» и прекращается.

Разыскания угля и его обработка производились Львовым до 1802 г.¹ (до того времени как он был командирован на Кавказ «для

¹ Несмотря на всю важность открытия Львова, ему приходилось претерпевать много неприятностей «в рассуждении угля», как говорится в письме жены Львова к Державину: «прошлого года», пишет она 20 февраля 1801 г. из Москвы, «он [Н. А. Львов] также привез уголь, но его у него нигде не приняли, говоря, что выписали из Англии, хотя угля никакого другого не употребляли. Итак, у него остался уголь на руках...» (Соч. Державина, т. VI, стр. 367). О неприятностях и неудачах в предпринятом деле повествует и сам Львов в сочинении «О пользе и употреблении русского земляного угля» (СПб., 1799): «Разработка оного [угля] оставалась безгласною, смелись обретенію и обретателю, обещали, отказывали, и я, терпевши всякого рода неудачи 10 лет, не отставал от моего начала. Всё мне казалось, что кроме большого подспорья дровам (и тогда уже час от часу дороже становившимся), одна выходящая ежегодно на уголь и на серу из государства сумма заслуживает не бросать моей находки, потому что кроме 45.982 рублей, на иностранный уголь употребляемых, заплачено за горючую серу в 1788 году 84.546 рублей; итого 130.528 рублей. Деньги бы сии оставались дома, уголь бы способствовал дешевизне дров, леса не столько бы выводились, из угля делали бы серу и много денег расхочясь на рабочих людей обогатили бы тот край,

устройства и описания разных необходимостей при тамошних теплых водах», где он пробыл до начала зимы 1803 г. Попутно, он должен был выполнить и другие задания, указанные ему в особой инструкции. Инструкция сохранилась в архиве Я. К. Грота, переписанная неизвестной рукою.¹ Из нее мы узнаем, какими «краеведческими» задачами должен был руководиться Львов, отправляясь на юг России.

Куда ехать.

В Царицын и пробыть несколько времени в Сарпе.

В Астрахань.

На Кавказскую линию.

В Тифлис.

Для чего.

Чтобы осмотреть переволоку от берегов Волги в Дон.

И заметить, соразмерна ли польза, от колонистов получаемая, убыткам и вреду государственному.

Чтобы разведать, какие способы можно употребить для заведения надежной торговли с Индией и какими именно вещами.

Чтобы узнать, довольно ли там заселение земледельцев и до какой степени увеличить нужно для действительной надобности того края по всем его отношениям.

Чтобы узнать, какие способы употребить можно для безубыточного и верного продовольствия войск, тамо находящихся.

Нельзя ли хлеб от Азова доставлять к берегам Черного моря близ Имеретии. И какая и в чем именно может быть польза от приобретения сей земли.

где зимою почти ничего выработать нельзя. Вот причины, которые заставили меня искать уголь, и за них покорно прошу меня простить, если кому-нибудь противен его запах» (стр. 46—47).

¹ ПД АН, шифр: 15894. ХСVIIIб. 4.

Инструкция не имеет заголовка, и рукою Я. К. Грота надписано: «Не инструкция ли Львову при поездке в царствование Павла в Крым?». Из дорожных тетрадей Львова, хранящихся в ПД (шифр: с IV б. 20), видно, что он был в 1803 г. и в Крыму. О поездке Львова в Крым в царствование Павла I других документальных данных мы не находим.

Куда ехать.

Из Тифлиса возвратясь, на Кавказскую линию и по ней в Азов.

Чрез Харьков и Кременчуг в Херсон, а оттоле в Крым.

Для чего.

Чтобы узнать изобилие, надобности и обстоятельства того края; а паче действительное состояние военного народа, в тех пределах обитающего.

Чтобы узнать, до коликого числа тяжестей переводится сухопутно.

Нельзя ли, укоротя путь, увеличить пропорцию перевозимого. Изобилие соли, в Крымских озерах имеющейся, дает надежду продовольствовать все губернии до самых берегов Балтийского моря.

Известно, что соединением рек Днепра с Неманом и Бугом можно доставлять в Подолию, Волынь и Литву; сия последняя получает соль из Пруссии, привозимую в Мемель на португальских судах, и платя необъятно дорогую цену, вероятно, много денег серебром из России уменьшает.

«Во всех показанных местах, как и по границе Турецкой, Церсарской и Прусской, осмотра местоположения, сообразуя обстоятельства государственных надобностей, в предыдущее время случиться могущих, придумать, где и для чего завести нужно запасные магазейны хлебные.

«Доставление Крымской соли кажется мне хорошо бы было так расположить, чтобы вынутая из озер сухопутно доставлялась до берегу моря, оттоль до самых порогов перевозима бы была на судах. По пространству, где идут пороги, также сухопутно перевозить надобно; а там продавать повольно скупщикам для доставления вверх по водам рек Днепра, Припяти, Пины, Язелды, Шары, Немана, Муховца и Буга; для показания примера хорошо бы от казны начать доставление до Пинска, устроив суда такие же, как и прусаков, называемые боты, которые для рек действительно способны и для издержек не отяготительны.

«Для устройства соляных магазейнов действительно полезно бы было сделать битые из земли, и для хлебных магазейнов господин Львов уверяет, будто можно так их сделать, что мыши в магазейн не прокопаются».

Путешествуя по Кавказу и Крыму весной, летом и осенью 1803 г., Львов выполнял полученные от правительства задания, проект которых, возможно, он сам же представил перед отъездом (см., напр., тетрадь Львова 1802—1803 гг., хранящуюся в ПД АН, л. 15 сл.), заносил в свои дорожные тетради ценные замечания и зарисовывал пером многие кавказские и крымские виды и типы.

Так, например, 8 апреля 1803 г. он записал: «Подробное описание гор Кавказских и части Грузии с окрестными местами действительно могло бы быть полезно и тем более, что сия часть света совсем Европе не известна, мало описана, и никому почти нельзя сего лучше исполнить кроме Русского. Путешествие на Кавказ в лицах должно бы состоять из описания того края и пути, туда из Москвы лежащего, и проч., — другая часть — политическая, на что и как такая-то страна или место употреблено может быть» (II тетрадь, л. 67).

О выполнении Львовым главнейшей цели его путешествия на Кавказ, а именно, изготовления разных приспособлений при Кавказских минеральных водах, свидетельствует один житель Георгиевска, в письме от 4 августа 1803 г. к Г. Р. Державину,¹ в котором он, описывая местоположение и характер «горячих и кислых» вод, между прочим говорит: «Приехавший сюда Николай Александрович Львов занимается обдыванием ванн, и доказывает, что вода сия превосходит все прочие, уже известные в чужих краях». В конце письма прибавлено: «Впрочем, обстоятельнее о сих водах можете узнать при возвращении Николая Александровича Львова; он, верно, более меня и лучше все сие будет уметь объяснить».

По возвращении с Кавказа Львов составил описание Кавказских минеральных вод; но оно не было издано.² Путевые тетради Львова сохранили датированные заметки и рисунки, как мы выше уже упоминали, относящиеся ко времени пребывания его в 1803 г. на юге России. Перечислим некоторые из них 1803 г.: 24 июня — «На Каменской станции на берегу Донца»; 28 июня — «На левом берегу Дона с Тютюревского (sic!) острова»; 20 июля — «Вид Мечука от Константиногорской крепости»; 5 августа — «У Кавказских кислых вод»; 14 августа —

¹ ПД, архив Я. К. Грота: Державинские бумаги. Вверху письма собственноручная помета Державина — «Приобщить к любопытным бумагам».

² Лябзин-Ляшенко. Русский биографический словарь. СПб., 1914, стр. 783.

«В Екатеринодаре»; 17 августа — «Сенная станция в 25 верстах от Фанатории»; 20 августа — «Бугас перешеек»; 21 августа — «Тамань»; 24 августа — «В Керчи»; 27 августа — «Татарская Мельница в Крыму». 23 ноября датирована запись: «Москва, больной после Крыму» (II тетрадь, л. 7 об.).

В корреспонденции президента Академии Художеств гр. А. С. Строганова находится любопытное письмо гр. В. П. Кочубея от 17 октября 1804 г. (как известно, Львов умер 22 декабря 1803 г.):

«Под ведением умершего т. сов. Львова снимаемы были планы и виды разным местам на Кавказской линии, на Тамане и в Крыму,¹ о коих, вследствие высочайшего е. и. в. соизволения, относился я к жене его, дабы оные были ко мне доставлены. Она прислала часть, бывшую у нее здесь, и я, имев счастье подносить оные на усмотрение е. и. в., получил высочайшее повеление отправить их к вашему сиятельству с тем, чтобы вы, составив из них коллекцию посредством лучших ваших художников, внесли оную в Ермитаж...». К письму была приложена «Опись, снятая под ведением Львова видам и чертежам на Кавказской линии, на Тамане и в Крыму»:

«1. Жилище священника в Тамане у церкви, где теперь хранится знаменитый Тмутаракановский камень; 2. Образец обывательских жилищ в Кавказской губ., в городе Александрове; 3. Жилище Керчинского карантинного начальника; 4. Образец строений в Екатеринодаре; 5. Вид парадного входа с двора в Бахчисарайском дворце; 6. Вид древней церкви в Керчи; 7. Кавказской скворец; 8. Вид Бахчисарайского гарема, внутри дворца находящегося; 9. Вид каменного пригорка, неподалеку от источника Нарзана находящегося, с палатою султана большой кабарды; 10. Вид деревни Черкескермен, между Бахчисараем и Балаклавою находящейся, снят с южной стороны; 11. Вид старого турецкого земляного дома, служащего ныне казармою, славною по найденному под дверью его камню с славянской

¹ Из книги А. Н. Оленина «Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском, найденном на острове Тамане в 1792 г.» (СПб., 1806) видно, что в Крым Львов ездил с археологической целью и имел при себе художника И. Иванова. Оленин в «Письме» рассказывает о Львове: «В бытность его на острове Тамане в 1803 г. нашел он известный Тмутараканский камень, заваленным в церковной ограде другими мраморными отломками. Тронутый жалостным зрелищем для любителя Науки и Художества, решился он помощью бывших с ним спутников, знаменитый сей камень торжественно перенести во внутренность храма и, собрав разные примечания достойные остатки древних камней, составил памятник, означющий прехождение острова Тамана под владение разных народов... Между Генуезскими капителями положен обломок старой колонны, на которой Н. А. Львов приказал насечь надпись, к обретению Тмутараканского камня относящуюся...» стр. 29). Из надписи мы узнаем, что знаменитый камень «из былия извел Львов Никольской» 7 августа 1803 г. (см. также Соч. Державина, т. VI, стр. 160).

надписью, в Тамане; 12. Вид Бахчисарайского ханского дворца; 13. Вид площади в Еникале; 14. Вид Судака; 15. Вид Феодосии с приезду; 16. Вид Балаклавы с горной стороны; 17. Вид горы Мечухи, взятой от самого источника горячих минеральных вод; 18. Балаклавское старое укрепление, от карантина; 19. Инкерман древле Теодосия с полуденной стороны, от Севастополя. Сверх сего восемь рисунков не отделанных».¹

Львов говорил по поводу описания гор Кавказских и части Грузии, что «никому почти нельзя сего лучше исполнить кроме Русского» (см. выше) и исполнил это по мере сил и возможностей.

Итак, вот задания краеведческого характера, ознаменовавшие конец XVIII и самое начало XIX века: 1) отыскать каменный уголь в Балдае, найти способы его обработки и применения его в государственном хозяйстве; 2) усовершенствовать пользование минеральными Кавказскими водами; 3) описать Кавказ и Крым с краеведческой точки зрения.² Эти три задания выполнял с большей долей инициативы и большой любовью и глубоким интересом к естественным природным силам своей родины Николай Александрович Львов.

II.

К вопросу о сотрудничестве Н. А. Львова в «Собеседнике Любителей Российского Слова».

Постоянными сотрудниками журнала «Собеседник Любителей Российского Слова», издававшегося Академией Наук в 1783—1784 гг. под руководством кн. Е. Р. Дашковой, были: императрица Екатерина II, сама кн. Е. Р. Дашкова, ее ближайший помощник по изданию журнала О. П. Козодавлев (бывший тогда советником Канцелярии Академии Наук), Державин, Фонвизин, Княжнин, Богданович, Херасков, Костров, Капнист, Нелединский-Мелецкий, М. Н. Муравьев, А. С. Хвостов, М. В. Храповицкий, М. В. Сушкова, Дмитриев, Бобров, Левшин, Плавильщиков, а также академики Румовский и Лепехин.

¹ П. Н. Петров. Сборник материалов для истории Академии Художеств. СПб., 1864, стр. 587—589.

² Нам, к сожалению, неизвестно, какая судьба постигла составленное Львовым описание Кавказских минеральных вод и общее описание Кавказа и Крыма, в свое время оставшиеся непечатанными.

Из записи в Журналах Канцелярии Академии Наук известно, что первая книжка «Собеседника» вышла 19 мая 1783 г. и что в ее издании «трудилось» двенадцать человек. «Из напечатанных в типографии тысячи осмисот двенадцати экземпляров первой части „Собеседника Любителей Российского Слова“ приказать отдать переплесть в бумажку пятьдесят, для ее величества в сафьянный переплет шесть, да сверх того, для ее сиятельства в кожаный переплет три, в здешнюю книжную лавку комисару Вильковскому для продажи — двести пятьдесят, которому и велеть продавать каждый экземпляр по одному рублю, да для пересылки в Москву к Борисякову — сто, к Водошнянову — двадцать, да тысячу экземпляров отдать в магазин г. эзекутору Герасимову и пятьдесят господину советнику Козодавлеву, за кои он и деньги в Канцелярию внести имеет. Да сверх того, ему же, господину Козодавлеву, выдать для раздачи трудившимся в сем издании двенадцать; затем достальные триста двадцать один экземпляр приказать г. академику Протасову хранить в типографии». Таково было постановление Канцелярии Академии Наук о первой части «Собеседника» (Журналы Канцелярии Академии Наук 1783 г., первая половина, № 502; см. В. П. Семенников. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. Пгр., 1915, стр. 147).

К сожалению, не сохранилось перечня фамилий тех лиц, которые «трудилось» в издании первой книжки «Собеседника».

В. П. Семенников в цитированных выше «Материалах» пишет, что «со второй книжки журнала к числу его сотрудников присоединился Н. А. Львов, бывший душою того литературного кружка, в который входили: Державин, Капнист, Хемницер, А. С. Хвостов и др.». «Факт участия в журнале Львова», пишет дальше Семенников, «устанавливается постановлением Канцелярии Академии Наук, от июля 1783 года, когда было предписано, вследствие приказа Дашковой, отпустить 1-ую и 2-ую часть „Собеседника“ „трудившемуся Главного почтовых дел Правления г. советнику Львову“ (Журналы Канцелярии Академии Наук 1783 г., вторая половина, № 19); позднее для сотрудников выдавалось уже по тринадцати экземпляров. Постановление это было сделано после выхода второй книжки: следовательно, можно считать несомненным, что именно с этой книжки и началось сотрудничество Н. А. Львова».

Благодаря сохранившейся тетради сочинений и записок Н. А. Львова (начата в 1771 г., когда Львову было 20 лет; в ПД, шифр: 16470.СІVб.20), мы имеем теперь возможность точно установить, что сотрудничество Львова в «Собеседнике» началось не со второй, а с первой же книжки журнала.

В упомянутой тетради¹ Львова мы нашли в автографе его «Идиллию Вечер 1780 года ноября 8-го», которая была напечатана анонимно (как и преобладающее большинство стихотворений и статей в «Собеседнике») в части первой «Собеседника» (СПб., 1783, стр. 28—32).²

Таким образом, предположение В. П. Семенникова о том, что неизвестный «Звенигородский корреспондент», появившийся только со второй части журнала, — именно Н. А. Львов, уже не является столь необходимым, так как Семенников главным аргументом для такого предположения выдвигает то обстоятельство, что, если Львов был зачислен в число постоянных сотрудников журнала со второй его книжки, то «его участие проявилось в чем-нибудь значительном».

Впрочем, исследователь сам пишет: «содержание писем „Звенигородского корреспондента“ не носит настолько индивидуального отпечатка личности автора, чтобы с этой стороны можно было положительно приписать письма Львову или же, равным образом, отклонить предположение об его авторстве. Но, высказывая это предположение, мы вместе с тем считаем, что слишком не достаточно данных для выяснения этого вопроса. Возможно, что Львову принадлежит какая-нибудь другая статья во второй части, например, хотя бы стихотворная пьеса „Гонор и Сальмира“» («Материалы»..., стр. 148—149).

Во втором письме, напечатанном в третьей части журнала, «Звенигородский корреспондент» пишет: «С 52 года я в Петербурге не был; почему и не знаю, каковы ныне у вас учителя и мадамы к детям приставлены, а в мою бытность в первых двух знатностью и богатством известных домах актрисы французские мадамами были...» (СПб., 1783, ч. III, стр. 157—158). Если считать, что дата — 1752 год, с которого автор не был в Петербурге, не вымыслена, то тем менее вероятным оказывается предположение об авторстве Львова, который родился в 1751 г. и в первый год своей жизни (кстати сказать, он раннее детство провел на родине, в Новоторжском уезде Тверской губернии) никаких наблюдений над жизнью в Петербурге произвести, конечно, не мог.

К сожалению, мы не нашли в вышеупомянутой тетради Львова другого какого-либо сочинения, которое оказалось бы напечатанным во второй и других частях «Собеседника». Поэтому мы не можем отвергать пред-

¹ лл. 51 об. — 55.

² Эта же «Идиллия» в копии, снятой И. И. Хемницером, и с указанием на авторство Львова сохранилась среди бумаг Хемницера в архиве Я. К. Грота (ПД, шифр: 15959. ХСVIII 6. 13).

положение В. П. Семенникова, что Львову принадлежит стихотворная пьеса «Гонор и Сальмира», хотя на эту пьесу Семенников указывает лишь в поисках значительного произведения, с которого мог бы Львов начать сотрудничество в журнале. Мы теперь знаем, что он начал с большой идилии.

Во второй же части журнала привлекает наше внимание не «Гонор и Сальмира», — стихотворение не в том роде, в каком чаще всего писал в те годы Львов, судя по рукописному его наследию, — а «Стихи к нечувствительной любовнице», подписанные литерой N. . . , какую (чаще: NN) подписывал в печати свои стихотворения Львов (напр., в «Аонидах», «Московском Журнале»):

Божественный твой видъ Венеру мнѣ являетъ;
 Любовнымъ пламенемъ глаза твои блестятъ;
 Всякъ кто видалъ тебя, тотъ нѣжность ощущаетъ,
 И всѣ сердца къ тебѣ любовію горятъ.
 О! естли къ нѣжности могла бы ты склониться
 И страсть мою однимъ хоть взоромъ наградить,
 Ничья бъ судьба съ моею не возмогла сравниться,
 И я бы щастливымъ тогда лишь началъ жить.

(СПб., 1783, ч. II, стр. 131).

В тетради Львова мы прочитали несколько пьес, с которыми можно сблизить «Стихи к нечувствительной любовнице». Для примера приведем «Стишок красавице, умеющей гадать по картам» (л. 25):

Въ семь тѣлѣ ангельскомъ духъ ангельскій живетъ;
 Имѣя неба даръ, что будетъ, предвѣщаетъ,
 Твоимъ реченіямъ какъ вѣкъ премѣны нѣтъ,
 Такъ нѣту и тому, что духъ мой ощущаетъ.

(1772 г.).

Возвращаясь к «Идиллии Вечер 1780 года ноября 8-го» необходимо заметить, что во второй части «Собеседника» в «Послании к господам издателям „Собеседника“ от Любослова» неизвестного сочинителя содержится строгая критика на это стихотворение Львова: «28 стр. В идиллии „Вечер“, говорит Любослов, «почти с ряду с малою прерывкою следует 11 глаголов в рифмах; да на 29 стр. от 18 до 20 строк и 42 стр. следует с очень малою прерывкою 75 глаголов; одним словом, во всей идиллии только 142 стиха, а рифм, состоящих из глаголов, 106. Такое употребление весьма не свойственно российскому стихотворству и подражанию г. Ломоносова»; дальше критик делает такое замечание: «30 стр. *собачка трепетно ластяся*; ластяся не есть *licentia poetica*. Мы говорим *лесть*, но не можем говорить *лестить*, *местить*, вместо *лстить*, *лстить*».

(стр. 110—111). Относительно критика Любослова, Я. К. Грот, на основании одного из писем Дашковой к Екатерине II, предполагал, что под этим именем скрывается Иван Морозов, служивший в 1783 г. в Кабинете при собственных делах и у принятия прошений при Храловицком (Сочинения Державина. СПб., 1880, т. VIII, стр. 330; В. П. Семенников. Материалы..., стр. 148). Ранее Грота Л. Н. Майков в статье «Несколько данных для истории русской журналистики» (СПб., 1876, стр. 38—39) высказал предположение, что филологические заметки Любослова принадлежат сочинительству академика И. И. Лепехина.¹

Стихотворение Львова представляет для нас любопытный опыт идиллии (1780 г.), сравнительно мало развитый в русском поэтическом обиходе XVIII в. Дата («1780 года ноября 8-го») при заглавии «Идиллии» указывает на значительность этого сочинения Львова в автобиографическом отношении. Действительно, это был год, в который Львов тайно обвенчался с М. А. Дьяковой, год, в который началась идиллия жизни Львова.

ИДИЛИЯ ВЕЧЕРЪ 1780 года нояб: 8-го.

Подъ тѣнью миртовыхъ кустовъ
 Въ прохладѣ тихаго Зефира,
 Промежду розовыхъ цвѣтовъ,
 Въ травѣ покоилась Елмира.
 Покоилась и быстрый токъ,
 И шумный вѣтръ въ лѣсу замолкъ,
 Листочки не подвижны стали,
 Свирѣль утихла на лугахъ
 Не смѣли птички пѣть въ кустахъ
 И сонъ Елмиры почитали.
 Приятны мечты любовь
 Во снѣ Елмирѣ представляла,
 Волнуя ими жарку кровь
 Румянцемъ щеки украшала,
 Улыбкой розы на устахъ
 Пастушкиныхъ изображала.
 Лице пряталась въ кустахъ:
 Любовной зыблею мечтою
 Прекрасна грудь пастушки сей,
 Казалась будто бѣлизною
 Старалась ихъ стыдить своей;
 Изъ подъ косыньки вырываясь
 И (съ) скучнымъ полотномъ сражаясь
 Стремилась выйтить изъ пеленъ:
 Но силъ еще не доставало

И полотно торжествовало.
 Зефиры сей примѣта плѣнъ
 Къ свободѣ красоты приспѣли,
 Свилися цѣпью, зашумѣли,
 Спустилися, вокругъ Елмиры сѣли
 И начали въ каемку дуть;
 Такъ сильно, что ее сорвали,
 Свертѣли, скомкали, помчали,
 Звизались, побѣду засвистали
 И въ первый разъ открыли грудь.
 [Увидя солнце удивилось
 Собранію такихъ красотъ,
 Покрывъ румянцемъ небосводъ
 Лице свое сокрыть стремилось
 Отъ зависти въ прохладу водъ]²
 [или]
 Увидя солнце удивилось
 Собранію такихъ красотъ,
 Покрывъ стыдомъ небесный сводъ
 Свой пламень утушить стремилось
 Отъ зависти въ прохладѣ водъ.
 И темно становится стало.
 Меналкъ въ прохладный етотъ часъ
 Вблизи Елмиры стадо пасъ
 И стадо въ роцѣ отдыхало;

¹ Грот возразил против предположения Майкова. См. Сочинения Державина. СПб., 1880, т. VIII, стр. 331.

² Поставленное в [] зачеркнуто в рукописи.

А онъ задумчиво стоялъ,
 Спокойству вечера внимая
 На стадо и на дольъ взирая,
 Молчанье вздохомъ онъ прервалъ
 И смутный взоръ омывъ слезою:
 О! Какъ вы щастливы! вѣщалъ,
 Мои овечки предо мною!
 Вы неповинны . . . я влюбленъ,
 Я васъ пасу и васъ покою
 А самъ спокойствія лишень.
 Сказалъ, и въ рощѣ раздалася
 Уныло жалоба сія.
 Собачка трепетно лестяся
 Вокругъ хозяина ея,
 Какъ будто грусть съ нимъ раздѣляла
 И какъ могла такъ утѣшала
 Когда онъ горестно стоналъ
 Глядѣла на него, визжала,
 Ложилась передъ нимъ, играла,
 Каталась, лаяла, ласкала.
 Меналкѣ сей ласки не внималъ
 Онъ грубо прочь собаку гналъ
 И только страстью занимался.
 Елмирой сей пастухъ горѣлъ,
 Онъ много разъ ей покушался
 Открыть любовь: но все не смѣлъ.
 Елмира также ощущала:
 Но что? — того сама не знала.
 Когда она ложилась спать,
 Тогда въ ней сердце трепетало,
 Покойно не могла лежать,
 Чего то ей не доставало . . .
 Чего то сердце то искало . . .
 Лъзя ль кажется не зная желать?
 Но сердце нимфы сей желало . . .
 Потомъ какъ сонъ ее объялъ,
 Любовь во сне ей толковала
 Ту тайну чѣмъ душа страдала.
 Меналкѣ ее растолковалъ.
 И вотъ какъ это съ нимъ случилось.
 Ужъ солнце за дѣсь закатилось
 И свѣтъ скрозь вѣтви чуть блисталь.
 Меналкѣ объятый темнотою
 Одумался . . . и для покою
 Овецъ своихъ домою погналъ;
 Собачка путь имъ пролагала
 И тихо передъ стадомъ шла,
 Вдругъ валаала и побѣжала
 Туда Елмира гдѣ спала:
 Она слѣды пастушки знала.

Собака вѣрности символъ,
 Она вослѣдъ любви бѣжала
 Меналкѣ за ней поспѣшно шолъ.

Къ кустамъ гдѣ бѣлое блистало
 Меналкѣ пришедъ, опѣпенѣлъ:
 Меналкѣ увидѣлъ что лежало!
 Увидѣлъ онъ, что развѣвало
 И съ вѣтромъ всячески играло
 То освященно покрывало,
 Котору онъ вскрывать не смѣлъ;
 Вся кровь его . . . но я напрасно
 Стремлюсь восторгъ сей описать.
 Умѣлъ я въ жизни ощущать
 Въ молчаніи движенье страшно:
 Но не умѣлъ никакъ сказать.
 Тому вообразится живо
 Меналкѣ что видя ощутилъ;
 Нещастно, а потомъ щастливо
 Кто гордо красоту любилъ.

Пастухъ сей робкими стопами
 Поближе къ нимфѣ подошелъ,
 И между тѣми же кустами
 Тихонько подлѣ сонной сѣлъ:
 Но чѣмъ пастухъ сей занимался?
 Онъ вѣтви удалять старался
 Чтобъ не прервали сладкой сонъ.
 Которымъ духъ [взоръ] его прельщался,
 Которымъ восхищался онъ.
 Ничто отъ взора не скрывалось! . . .
 Но вдругъ Меналку показалось
 На грудь какъ Нимфы онъ взиралъ
 Что розы тамъ пучокъ лежалъ.
 «Уколится она» сказалъ
 И снявъ цвѣточекъ покусился,
 Тронувъ, цвѣточекъ не свалился
 Меналкѣ пастушкинъ сонъ прервалъ
 Прелестной взоръ ея открылся
 Меналкѣ, а не цвѣтокъ упалъ.
 Упалъ къ ногамъ пастушки страстной
 Влюбленный молодой пастухъ
 Онъ описалъ ей жаръ нещастной . . .
 Онъ вспомнилъ множество [тѣмъ своихъ]
 заслугъ

Которы Нимфа презирала.
 Елмира пастуха внимала
 Глядѣла вокругъ себя . . . молчала . . .
 И голосъ пастуха затихъ,
 Елмира слышалось вздыхала
 И мракомъ ночь покрыла ихъ.¹

¹ Печатный (в «Собеседнике») текст не отличается от рукописного; только орфография и пунктуация в нем исправлены. В нашем тексте мы сохранили пунктуацию рукописного

Определить степень участия Львова в последующих частях «Собеседника» весьма затруднительно. Многие анонимные стихотворения и статьи в журнале остаются до сих пор нераскрытыми. С некоторой долей вероятности можно приписать Львову «Оду к любви» (нач.: «О! ты, что чувства в нас питаешь». СПб., 1783, ч. IV, стр. 174—176), подписанную N..., так же, как и «Стихи к нечувствительной любовнице».

III.

«Чужие басни» в баснях И. И. Хемницера.

В собраниях басен Хемницера, начиная с первого издания их 1779 г., печатались две басни под общим заглавием «Чужие басни»: «Львиный указ» (нач.: «Такое-то число и год»...) и «Заяц, обойденный при произвождении» (нач.: «Случилось у Льва в чины произвожденье»...). В первом издании они названы «чужими» лишь в оглавлении, в последующих — и в тексте.¹

Вторая басня во всех посмертных изданиях Хемницера (начиная с первого посмертного издания 1799 г.) озаглавлена: «Мартышка, обойденная при произвождении», в тексте имеет замену «зайца» «мартышкой» и, в связи с этим, легкие переделки в стихе.

«Все поверили», пишет Я. К. Грот, «что они написаны не Хемницером, и один из позднейших издателей Хемницера, Сахаров, даже исключил их поэтому из собрания басен его» (Сочинения и письма Хемницера. СПб., 1873, стр. 32).

Впервые Н. С. Тихонравов предположил, что они написаны другом Хемницера, Н. А. Львовым («Отечественные Записки» 1855, т. ХCVIII, отд. III, стр. 12). «Но», говорит Я. К. Грот, «это невероятно, потому что их нет в неизданном собрании сочинений Львова, которое было в наших

подлинника и особенности орфографии эпохи. Современный список «Идиллии» мы нашли в рукописном сборнике стихотворений XVIII в. в Тихонравовском собрании рукописей в Публичной Библиотеке СССР имени В. И. Ленина в Москве (№ 565, лл. 86—88).

¹ В первом издании (1779 г., как отмечено в записной книжке Хемницера. См. Сочинения и письма Хемницера. СПб., 1873, стр. 297), состоявшем из 33 басен, «Чужие басни» помещены были последними. Во втором издании 1782 г., в котором была прибавлена вторая часть из 33 басен, «Чужие басни» остались в конце первой части. Начиная же с посмертного издания 1799 г., «Чужие басни» помещались в конце третьей части, за исключением издания Грота, взявшего за образец издание 1782 г.

руках и, кажется, содержит всё написанное Львовым. Мы скорее полагаем, что эти две басни принадлежат самому Хемницеру и что он назвал их *чужими*, желая отклонить от себя ответственность в сатирическом их содержании. Слогом они не отличаются от тех, которые он признавал своими» (Сочинения Державина. СПб., 1864, т. I, стр. 278; Сочинения и письма Хемницера, стр. 32).

Однако, догадка Н. С. Тихонравова, высказанная им в 1855 г., ныне подтверждается документально одною из трех тетрадей Н. А. Львова, хранящихся в ПД.¹

В ней мы нашли *черновые* автографы Львова этих двух *чужих* басен, приписанных Хемницеру.

Басни датированы автором: «Львиный указ» — 30-м июня 1775 г., «Заяц, обойденный при производстве» — 1-м декабря 1778 г.

Львов отличался удивительным равнодушием к собственной своей славе и очень скупно печатал свои сочинения, подписывая их «NN...» или — «из Петербурга». Но известно, что он имел большое влияние на развитие поэтического гения Державина, на музу Калниста и Хемницера. Обладая тонким поэтическим чутьем и вкусом, он щедро давал своим друзьям советы при печатании их стихотворений, исправляя их рукописи. Многие стихотворения Державина появлялись в печати по воле самого поэта в том окончательном виде, какой придавал им Львов (напр.: «Ода на взятие Измаила», «Мечта» и мн. др.; см. Сочинения Державина, изд. Акад. Наук, под ред. Я. К. Грота).

Отмеченной выше скромностью и следует, как нам кажется, объяснить то обстоятельство, что Львов напечатал свои басни анонимно в собрании басен своего друга. Впрочем, и сам Хемницер скрыл свое имя при этом издании («Басни и сказки NN...»). После смерти Хемницера (ум. в 1784 г.) Львов и Калнист издали (в 1799 г., третьим изданием) в трех частях «Басни и сказки И. И. Хемницера» и присоединили к ним вступительную статью «Жизнь сочинителя», составленную Львовым. «Чужие басни» были оставлены под таким же заглавием. Во второй из них Львов заменил «зайца» «мартышкой», придав басне особый сатирический смысл, не боясь нападок за нее после смерти автора всех остальных басен. Сатирический смысл названной басни раскрыт Я. К. Гротом: «под мартышкой, обойденною при производстве, и обер-шутком, упомянутым в последнем стихе, надобно разуметь Л. А. Нарышкина»

¹ Принесены в дар ПД ученым хранителем М. Д. Беляевым. ПД, шифр: 16470.СIV.6.20, лл. 89 об.—90; 59—59 об.

(Сочинения и письма Хемницера. СПб., 1873, стр. 33).¹ Успех последнего при дворе вызвал, между прочим, и вопрос Фонвизина: «Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а ныне имеют и весьма большие?».²

Тетради Львова со стихотворениями, выписками, рисунками и т. п., в одной из которых мы нашли две басни Львова, очевидно, были уже увезены из села Никольского (имения Львова), когда Я. К. Грот посетил его, и просматривал архив Львова, перешедший во владение внука его, Л. Н. Львова. Этим только можно объяснить замечание Грота, что чужих басен нет в неизданном собрании сочинений Львова.

Любопытно отметить, что в новооткрытой тетради сочинений Львова нашлась рукою Львова написанная эпиграмма на басни Хемницера. Исследователи имели основание приписать ее перу Марии Алексеевны Львовой, рожд. Дьяковой, которой Хемницер посвятил свои басни. Действительно, эпиграмма как бы выдает автора-женщину: «По языку и мыслям я узнала»... Но найденный автограф показывает, что сочинил ее сам Львов, чтобы супруга его могла ответить на посвящение ей «Басен и сказок». Эпиграмма была напечатана впервые в «С.-Петербургском Вестнике» 1779 г. (ч. IV, стр. 360, нач.: „По языку и мыслям я узнала“...; см. также: Я. Грот. Памятная книжка Хемницера. «Русская Старина» 1872 г., т. V, стр. 609). Прочитаем эпиграмму по рукописи Львова (упомянутая тетрадь, л. 41 об.):

Эпиграмма соч.: басень и сказокъ NN Нояб.: 26-го [1779 г.].

По мыслямъ я и языку узнала,
Кто басни новыя и сказки сочинялъ.
Их истина располагала,
Природа рассказала
NN написалъ.

¹ Грот пишет, что упоминаемые басни «названы чужими только потому, что их применение было слишком ясно для современников», и далее указывает, на кого направлена сатира. Но следует вспомнить, что «мартышка» вместо «зайца» появилась в басне лишь в первом посмертном издании (1799), и таким образом намек на созвучное имя Нарышкина стал ясным лишь после смерти Хемницера. Про другую же чужую басню «Львиный указ», заимствованную из Лафонтена («Les oreilles du lièvre»), сам же Грот говорит, что скрывающийся в ней намек «не так ясен» (Сочинения и письма Хемницера, стр. 33). Из сказанного можно заключить, что Хемницер не мог особенно бояться ответственности за эти басни и не из-за опасения назвал их *чужими*.

² «Собеседник Любителей Российского Слова» 1783 г., ч. III, стр. 165; Сочинения Державина. СПб., 1868, т. I, стр. 125.

NN — следует прочитать — Хемницер.
Хемницер ответил на эту эпигramму стихотворением:

М. А. Львовой.

Чувствительно вы похвалили
Того, сударыня, кто басни написал,
Сказавъ, что авторъ ихъ природѣ подражалъ;
Но больше похвалой своею научили,
Какъ надобно писать,
Когда хотѣть природѣ подражать.

(Сочинения и письма Хемницера. СПб., 1873, стр. 366).

Приводим текст «чужих басен» Львова.¹

I.

Львиный указъ.

«Такое то число и годъ,
«По силѣ даннаго вѣдѣнья,
«Рогатый крупный, мелкій скотъ
«Имѣеть изгнанъ быть
«И долженъ выходить
«Изъ львинаго владѣнья
«Не въ сутки, въ одинъ часъ».
Такой объявленъ былъ львомъ пагубный указъ.
И всѣ повиновались.
Отправился козелъ,
Бараны въ путь собрались.
Олень и волъ пошехъ,
И всѣ рогатые скоты.
«А ты,
«Косой, куды?»
— Ахъ, кумушка, бѣды! —
Трусливый зайчикъ такъ лисицѣ отвѣчалъ.
А самъ совался и метался.
— Я видѣлъ тѣнь ушей моихъ.
— Ахти, сочтуть рогами ихъ
— Министры львиные. Зачѣмъ я здѣсь остался.
— Рогами вредными они ихъ обнесутъ. —
«Ума въ тебѣ не стало.
«Каки его рога!» — лисица отвѣчала:
«Ето уши».
— Рогами назовутъ:
— Пойдутъ и уши тпруши.—²

¹ Басни Львова печатаются здесь по его автографам, причем мы исправили лишь несомненные описки и ввели пунктуацию и заглавные буквы, почти совершенно отсутствующие в рукописях Львова. Публикуемая редакция басен несколько отличается от редакции, напечатанной в первом и последующих изданиях басен Хемницера. Ср. с академическим изданием, под ред. Я. К. Грота. СПб., 1873, стр. 162—164.

² Тпруши — зов коровы (Грот).

II.

Заецъ, обойденный при произвожденіи.

Случилося у льва въ чины произвожденье.

За службу должно награждать.

Но я хочу сказать,

Что злоупотребленье

И въ скотской службѣ есть.

«Ну какъ безъ огорченья

«Возможно службу несть,

«Когда достоинство всегда безъ награжденья?».

Такъ заецъ говорилъ.

Обиженъ заецъ былъ

И обойденъ считался.

«Я предъ лицомъ служу

«А зайцомъ же остался.

«Медвѣдь сталъ господинъ,

«И волка наградили,

«Лисицу черезъ чинъ

«Судьею посадили

«Въ курятникѣ рядить.

«Случится же судью такъ кстати посадить.

«А гдѣ они служили?

«Край свѣта, на войнѣ; и то

«Не вѣдаетъ еще никто,

«Что били ли они, иль ихъ другіе били.

«А я хотя не воинъ,

«Хотя я

«Не судья,

«Извѣстна служба льву моя.

«Извѣстно, я чего достоинъ».

— Да гдѣ ты, другъ, служилъ? —

Барсукъ его спросилъ.

«Передъ самимъ царемъ два года съ половиной

«Я всякой день шутилъ.

«А онъ меня сравнилъ

«Теперь съ другой скотиной,

«Котора ничего не дѣлала нигдѣ».

— Ты шутствовалъ вездѣ,

— И чиномъ наградить тебя бы было должно.

— Твой также трудъ не малъ. —

Барсукъ ему сказалъ:

— Но произвестъ тебя по службѣ невозможно:

— Ты знаешь, вить, мой свѣтъ,

— Что оберъ-шутовъ въ службѣ нѣтъ.

Эта басня Львова напоминаетъ басню Державина «Левъ и волкъ».

Волкъ льву пенялъ, что онъ не сдѣланъ кавалеромъ,

Что Пирикъ съ лентою, и съ лентою Осель,

А онъ сей почести еще не приобрѣлъ

И сталъ его къ себѣ немилости примѣромъ,

Когда ихъ носить шутъ да и слуга простой,
А онъ не получилъ донинѣ никакой.
Левъ даль отвѣтъ: «Вѣдь ты не токмо не служилъ,
Но даже никогда умно и не шутилъ».

Эта басня, вместе с двумя другими, находится, по свидетельству Я. К. Грота, в старейшей рукописи Державина (1776).¹ Напечатана же она была в 1783 г. в VIII части «Собеседника Любителей Российского Слова» (стр. 62), под заглавием: «Басня: Заслуги свои часто измеряем мы несправедливо», и с таким примечанием: «Смысл басни сей выводит, что самолюбие наше употребляет разные весы, когда свои или чужие достоинства мы весим. Кажется, довольно ясно, что, если Пифик и Осел недостойны были отличия, то и Волк равно одного не заслужил». В позднейших тетрадах своих Державин то распространял эту басню, то переделывал в ней некоторые стихи (напр., в тетради 1790-х годов). «В позднейшей редакции в эту басню вместо Волка введен Крот. Вероятно, басня эта сочинена на какое-нибудь известное в то время лицо; но на кого именно, теперь угадать невозможно» (Я. Грот).²

Басня Львова датирована 1778 г. Принимая во внимание свидетельство Грота о том, что басня Державина имеется уже в редакции 1776 г., следует заметить, что басня Державина сочинена прежде Львовской, которая является по существу лишь распространением темы, кратко выраженной Державиным. Но дальнейшие, более пространные редакции и переделки Державинской басни, быть может, стоят в зависимости от басни Львова.

К басням Львова мы можем присоединить «Епиграмму», найденную нами в упомянутой тетради сочинений и записок Львова, датированную 23-м апреля 1773 года. «Епиграмма», насколько нам известно, не была напечатана (см. упомянутую тетрадь Львова в ПД, шифр: № 16470.СІVб. 20, л. 64 об. и л. 132, где «Епиграмма» переписана вторично). «Епиграмма» Львова в метрическом и тематическом отношениях соответствует жанру басни.

Епиграмма.

На рынкѣ ль было то иль на дворѣ гостиномъ,
Не знаю. Молодецъ сошелся съ господиномъ,
Котораго онъ зналъ,
И, встрѣтившись, кричалъ:
«Прости, любезной другъ, я ѣду воевать,
«А ты живи спокойно.
«Намѣренья усы султану оборвать.

¹ Сочинения Державина. СПб., 1868, т. I, стр. 123—124.

² Ibidem.

«Такое дѣйствіе моей руки достойно».
Ему пошедь сказалъ.
Оставшій помышлялъ,
Что онъ ужъ проскакалъ
И Кіевъ, и Хотинъ, к Стамбулу приближался.
Но онъ, нигдѣ не бывъ, опять съ нимъ повстрѣчался.
Пріятель витязя съ восторгомъ вопрошалъ:
— Съ успѣхомъ ли, мой другъ любезной, возвратился? —
А онъ ему въ отвѣтъ:
«Нѣтъ.
«Султанъ обрился».

Заклучим три отрывка из истории жизни и творчества Н. А. Львова замечанием о том, что разыскания в области рукописного наследия этого писателя могут привести еще к новым историко-литературным находкам. Ближайшей задачей в этом направлении является изучение рукописей Львова, хранящихся в Государственной Публичной Библиотеке в Ленин-граде и описанных в «Отчете Публичной Библиотеки» за 1892 г.
